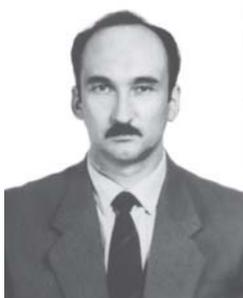

ЭЛЕМЕНТЫ САМОБЫТНЫХ КУЛЬТУР

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ ИСТОКОВ РЕКИ УССУРИ

Виктор Владимирович ГАПОНОВ,

кандидат биологических наук

«Географический ландшафт воздействует на организм принудительно... Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. — все это накладывает особый отпечаток на организмы».

Л. Брег

Вопрос наличия и смены культур в прежние эпохи на территории края является одним из самых актуальных и сложных в археологии. Его окончательное решение — дело археологии будущего. Касаясь наличия культур прошлых эпох в бассейне истоков р. Уссури, первостепенным, по нашему убеждению, должен рассматриваться географический аспект.

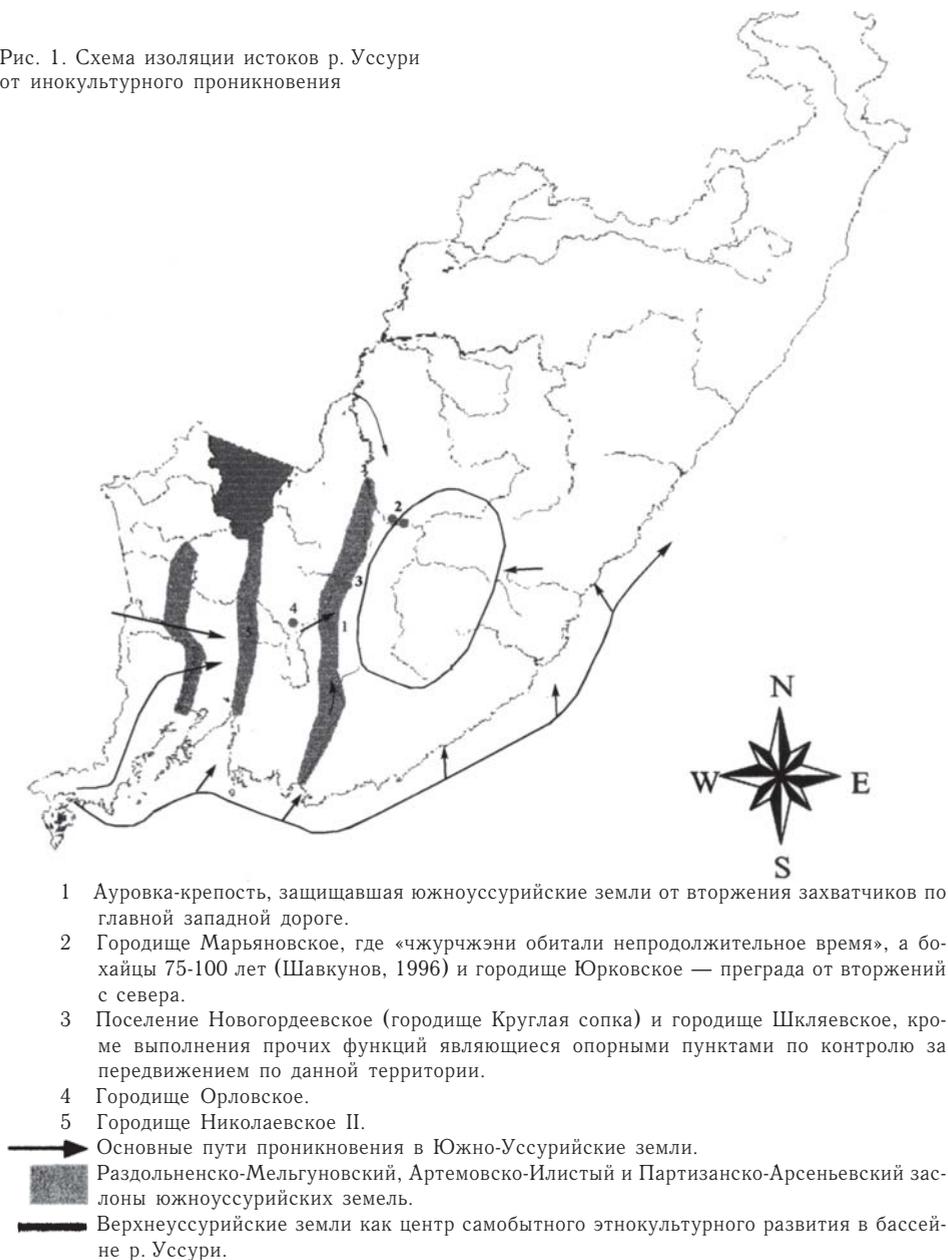
По своему расположению бассейн истоков р. Уссури — территория, географически заключенная в пределах 43,5 — 45,2° С.Ш. и 133,5 — 135,0° В.Д., занимающая водосбор рек Уссури (Улахэ, Сандагоу), Журавлевка (Нотто), Павловка (Фудзин) площадью около 1,5 млн. га, — в древности и средневековье составлял особый природно-хозяйственный район, по сравнению с другими территориями характеризующийся высокой степенью изоляции. На карте (рис.1) достаточно ясно просматриваются рубежи защиты обитателей верхнеуссурийских земель от внешнего вторжения. Первый внутренний рубеж проходил по долинам рек Арсеньевка — Партизанская (Даубихэ — Сучан). По В.К. Арсеньеву, один из вариантов перевода названия реки Дао-бинхэ звучит как «река, где было много сражений», а реки Фудзин — как «сердце, сердцевина, основа». Как гласит легенда о Куань Юне — главная битва между Куань Юном (царем из Сучана) и князем Чин Ятай-цзы из Нингуты произошла именно на р. Даубихэ (1, с.76). Легенда есть легенда, но географически вполне наглядно, что р. Даубихэ была последним рубежом для защиты родной земли. Дальше отступить было некуда. Второй рубеж проходил по рекам Илестая — Артемовка (Лефу — Майхэ) и третий — по долинам рек Раздольная — Мельгуновка (Суйфэньхэ — Мо) — оз. Ханка. Народы, проживавшие здесь и, безусловно, всегда стремившиеся к независимости, служили своеобразным фильтром для пришельцев с запада. С востока и юга эту землю окружали труднопроходимые горы хребта Сихотэ-Алинь и защищали родственные племена, проживавшие по долинам рек, впадающих в Японское море. На северо-востоке была труднопроходимая горная тайга с охотничьими племенами. Но кроме запада и востока был еще один путь в эту землю — с севера вверх по р. Уссури. Это была водная дорога, которая начиналась в самом сердце Маньчжурии, проходила по р. Мулинхэ до ее слияния с р. Уссури, а затем по последней вверх. Но путь по реке был трудным и опасным, особенно выше устья реки Даубихэ, он в течение многих тысячелетий был естественной защитой от вторжения врагов. Особенности географического расположения дают основание предположить, что население, обитавшее по рекам Большая Уссурика, Малиновка (Иман, Вака), Бикин, Хор, среднему и нижнему течению реки Уссури и даже реки Амур, было более подвержено насильственному влиянию западных государств, чем жившее в истоках Уссури, включая реки Павловка и Журавлевка (Улахэ, Сандагоу, Фудзин и Нотто). По этой причине уже в новое

время раньше всех с маньчжурскими купцами познакомились амурские голды (1, с. 175—217).

Ретроспектива времен российской колонизации и более позднего периода показывает данную территорию в течение всех предыдущих эпох как хранителя самобытных аборигенных культур, более других защищенной от инокультурного вторжения. По сведениям М.И. Венюкова, в 1858 г. маньчжуры в верховьях р. Уссури не бывали. «Их даже сейчас при полном маньчжурском владычестве в Китае выше слияния рек Улахэ и Даубихэ просто не пускают» (не пускали в основном поселившиеся здесь беглые китайцы. — В.Г.) (2). Лишь через сорок лет после присоединения данной территории к России здесь появилось первое русское поселение. Вплоть до 1900 г. р. Нотто на всех имеющихся картах значилась как незначительный приток р. Откосной (Себучар). Во время интервенции иностранных государств именно этот район, по словам А.А. Фадеева, был колыбелью партизанского движения Уссурийской области, а село Чугуевка — самым глубоким тылом партизан (3). Японские интервенты в с. Чугуевке находились одни сутки, тогда как в других районах края их присутствие исчислялось годами.

Особо стоит вопрос вхождения территории Приморского края в состав средневековых государств — королевства Бохай и империи чжурчжэней, и ответ на него не может быть однозначен. Сложные социальные процессы того времени еще ждут своего полного раскрытия. Но в любом случае каждая территория (природно-хозяйственный район), занимаемая отдельным племенем или племенным объединением, имела свою специфику взаимоотношений с данными государствами. По версии Н.Н. Крадина, нет оснований сомневаться в том, что связи Приморья с центральными регионами государства Бохай в целом оставались неразвитыми (4). Все пять столиц королевства Бохай находились за пределами современного российского Приморья. Причем из 228 лет существования данного королевства около 160 лет его главной столицей была Верхняя, располагавшаяся, как и первая столица Да Дзожуна, на р. Муданьцзян. Восточная столица, находившаяся на р. Туманган, могла быть главной столицей Бохая лишь в течение 1—9 лет (5). Согласно материалам археологических исследований, нет достаточных оснований для предположения, что владения государства Бохай простирались восточнее городища Николаевское-II и южнее городища Марьяновское. Археологические исследования Марьяновского городища дали основание профессору Э.В. Шавкунову предположить, что бохайцы обитали в нем около 75—100 лет. Следы пожара, большое количество железных наконечников стрел и прочие материалы, по версии профессора, являются свидетельством того, что жители городища находились в окружении враждебно настроенных против них племен, в связи с чем были в постоянной и полной боевой готовности. Судя по всему, этим племенам все же удалось захватить городище, где они учинили погром, а затем предали огню жилища бохайцев (6). Вероятнее всего, как заключает Э.В. Шавкунов, это городище было одним из бохайских форпостов в данном регионе. Видимо, такую же роль оно выполняло во времена империи Цзинь, так как раскопки говорят о том, что чжурчжэни обитали на городище недолгое время. Все это наводит на мысль о том, что племена, заселявшие территорию Приморья, были достаточно сильными, чтобы противостоять западным завоевателям. К северу от с. Ауровки в Анучинском районе находится труднодоступное городище бохайского времени. По мнению Э.В. Шавкунова, это была хорошо защищенная, рассчитанная на длительную осаду крепость (7). Учитывая, что здесь проходила главная западная дорога в верхнеуссурийские земли, не исключено, что это был западный форпост независимых уссурийских племен. Данная земля была сердцем уссурийской территории, самой закрытой, заповедной ее частью, хранительницей аборигенной самобытности. В 926 г. государство Бохай перестает существовать. В этот же год, на третий месяц после образования Восточной Дани, на территории трех бывших бохайских округов Аньбянь, Моцзе и Динли происходит образование государства Динъянь (8, с.55). Где находилось

Рис. 1. Схема изоляции истоков р. Уссури от инокультурного проникновения

это государство — вопрос достаточно спорный. Но в любом случае в бассейне истоков р. Уссури имело право к существованию сильное племенное объединение, независимое во времена империи Ляо и всегда противостоявшее западным завоевателям. Как отмечал М.И. Венюков, именно здесь «от устья Даубихэ к юго-востоку мы вступили в страну, по которой виднеются следы высшей образованности и большой населенности края» (2). Можно предположить, что стремление к независимости было особо развито у проживавших здесь народов. Безусловно, совсем другой характер взаимоотношений с соседними провинциями должен был иметься во время существования государства Восточное Ся (1215—1234 гг.), когда во многом общая культура и история перед

угрозой уничтожения должна была объединить население восточных областей империи чжурчжэней.

Опираясь на материалы Кафарова и Буссе, В.К. Арсеньев указывал, что борьба культурных маньчжурских племен с древнейшими обитателями страны (Уссурийского края. — В.Г.) происходила с каменного века до XII в., а первобытное население Уссурийского края или древнейшие обитатели этой земли жили к северу только до 45,5° северной широты (т.е. проживали именно в бассейне истоков р. Усури. — В.Г.) (1, с. 313—318). Как указывал данный автор, «...владения Бохая простирались от Тумень-Ула... к северу узкой полосой по берегу моря до озера Ханка и далее до реки Сучана» (1, с.284).

Выявление археологических памятников в бассейне истоков реки Усури начинается в 1858 г. с похода М.И. Венюкова и составления М. Поповым в 1861 г. карты к «Путешествию по долине р. Усури» Р.К. Маака, на которой указано местонахождение остатков древних «крепостей» и «развалин городов». (Удивительно, но факт, вторично эти города — городища Павловка-1, Павловка-2 и Павловка-3 — были обнаружены лишь после сообщения автора настоящей статьи в 1996 г. отрядом ИИАЭ ДВО РАН, что говорит об уровне археологической изученности этой территории). К концу XIX — началу XX в. на географических картах южной части Уссурийского края, на территории современного Чугуевского района, уже было нанесено более десяти древних крепостей, кумирен и остатков мест обитания древнего населения. По данным на декабрь 1996 г., на этой территории выявлено, обследовано и зафиксировано 56 памятников археологии: 10 стоянок эпохи первобытного общества, 25 средневековых поселений, 18 средневековых городищ, 1 курган, 2 древних дороги (9). Однако, как указывают названные авторы, несмотря на то, что район в археологическом отношении очень перспективен для исследования, недостаточная археологическая изученность практически всех памятников не позволяет более точно соотнести их с конкретными археологическими периодами.

В сравнении с прилегающими территориями данный природно-хозяйственный район оказался менее изученным, но наличие открытых и обследованных памятников смежных районов в определенной степени проливает свет на те процессы, которые могли здесь происходить. Период финального палеолита и раннего неолита представлен здесь устиновской позднепалеолитической культурой (22—14—8 тыс. л.н.) и руднинской неолитической культурой (7—6 тыс. л.н.). В бассейне р. Зеркальной открыто 23 стоянки, относящихся к периоду 12—10 тыс. л.н. (докерамическая культура) (10). Первая керамика (примитивного уровня гончарной технологии) отмечена на стоянке Устиновка-3. Ее возраст 9—8 тыс. лет (11). Культурная специфика района в определенной степени определялась экологической. С 12 до 6 тыс. л. н. изменения природной среды на побережье Японского моря были гораздо более значительнее, чем в континентальной части, где ситуация была более стабильной, потому что изменения происходили в основном в составе растительного и соответственно животного мира и шли очень медленно, вероятно, малозаметно от поколения к поколению (12, с.15). Если на побережье моря экологический кризис, регрессия моря через депопуляцию порождали новую ярко выраженную культуру (в заливе Петра Великого, — бойсмановская-зайсановская-янковская) здесь, в бассейне истоков р. Усури при экологической стабильности и высокой защищенности от инокультурных включений мог иметь место своеобразный застой культур, их консервация с глубокими самобытными корнями. Люди, проживавшие в географически определенном центре южноуссурийских племен, безусловно, находились в тесном контакте с близлежащими племенами и народностями, имея с ними общие этнические корни. Но культурная общность не мешала формированию самобытных элементов по каждому природно-хозяйственному району.

Поскольку экономические процессы и духовность человека зависят от экологической обстановки, то каждый ландшафтно-географический (природ-

но-хозяйственный) район имел условия для протекания самостоятельных культурных процессов. Высокая продуктивность, разнообразие и устойчивость ландшафтов обеспечивали самодостаточность, а изолированность, низкий уровень контактов при преемственности традиций в окружении самобытных ландшафтов обуславливали формирование и консервирование архаичных черт в культуре. Если на побережье залива Петра Великого охота от бойсмановской к зайсановской и январской культурам все больше уступала свою роль морским промыслам (Вострецов, 1998), то здесь охота и сбор дикорастущей продукции очень долгое время однозначно были доминирующими.

Культуру охотников и собирателей принято отождествлять с кочевыми племенами. Такое представление укрепилось вследствие изучения образа жизни охотников северных районов, в том числе удэгейцев и гольдов второй половины XIX — начала XX вв. При этом не учитывались биогеографические особенности и характер освоения территории. По большому счету, вся ойкумена человеком была освоена уже в верхнем палеолите. Кочевать можно было только в пределах завоеванного племенем жизненного пространства вслед за своим кормовым ресурсом. Зверовой промысел в Южно-Уссурийском крае и районах Юго-Восточной Маньчжурии основывался на оседлых видах диких животных, чьи популяции занимали незначительные площади, редко превышавшие 100—120 кв. км. Там, где кочевали животные, вслед за ними кочевали и люди. Так, например, бродячие охотники-орочены Северной Маньчжурии постоянно перекочевывали с места на место, следуя за переселением косули, которая в их жизни и быте играла выдающуюся роль, и от нее зависело существование всего племени орочен (13). Зверолювы Маньчжурии, добывавшие животных на протяжении тысячелетий с помощью ловушек, самострелов, петель, ям, копий и луков и вплоть до начала XX в. не знавшие огнестрельного оружия, самой природой лишались необходимости куда-либо кочевать. Биогеографические особенности территории, обеспечивавшие высокую биомассу ресурсов, их разнообразие и экологическую стабильность (в том числе стабильность объектов промысла), создавали все условия для оседлого образа жизни в бассейне истоков р. Усури уже в палеолите. Охотники-собиратели этих земель, как и юго-восточных районов Маньчжурии, были вынуждены проживать оседло с того самого времени, как только они полностью освоили эту территорию.

Демографическая емкость ландшафта определялась в основном продуктивностью биоценозов. По экспликациям угодий Чугуевского района площадью 1446986 га., проведенной в 1969 г., 96,7 % данной территории относится к лесной и 2,1 % — к сельхозугодьям. Причем кедровые, кедрово-широколиственные и кедрово-еловые леса, которые обладают наибольшей продуктивностью на единицу площади по биомассе охотничьих видов животных и пищевым продуктам (14) и по данным показателям являются одними из лучших угодий Евразии, составляли 65,5 % всей территории района.

Придерживаясь экосоциальной модели функционирования первобытного общества П.М. Долуханова в расчете доступа к пищевым ресурсам в пределах зон хозяйственного использования поселений (15), посмотрим несущую антропогенную емкость ландшафта, учитывая, что только животные белки в различных соотношениях обеспечивают оптимальное белковое питание (16, с. 494). Исходя из средней нормы суточной потребности человека в белках, равной 60 граммам, и зная продуктивность основных биотопов по животным ресурсам, можно весьма условно приблизиться к возможной численности населения, проживавшего на данной территории. Расчет кормовой емкости угодий по изюбрю в зоне кедрово-широколиственных лесов юга Дальнего Востока лишь по группе основных древесно-веточных кормов (12 видов из 120 поедаемых изюбрем), обеспечивающих питание в наиболее сложные для выживания периоды года, гарантированно определяет минимальную численность этого вида от 9 до 42 особей на 1 тыс. га (17).

Еще в конце 50-х — начале 60-х годов, несмотря на достаточно активное потребление местным населением, численность изюбря на территории Чугуевского района составляла около 12 тыс. особей, а плотность заселения угодий в 18 особей на 1 тыс. га была обычной (18). Беря усредненную стабильную численность основных охотничьих видов в угодьях 1 — 2 классов бонитета (особей на тыс. га): изюбр — 12, кабан — 20, косуля — 25, кабарга — 20, медведь — 10, барсук — 100, зайцы — 150. А минимально допустимый процент изъятия, при котором популяциям не наносится ущерба: изюбр — 12, кабан — 25, косуля — 15, кабарга — 15, барсук — 25, медведь — 10, зайцы — 40 (19), а также предполагая что прочая белковая пища животного происхождения составляла до 40 % от основной указанной выше группы кормов, допускаем что в истоках бассейна р. Уссури участок площадью 20 тыс. га высокобонитетных кедрово-широколиственных лесов ежегодно продуцировал до 4000 кг белка животного происхождения.

Причем предполагается, что биомасса животных по годам была стабильной — депрессии популяций одних видов компенсировались благополучием других. Если человек с учетом абиотических, биотических и социальных факторов пользовался 30 % теоретически получаемого стабильного белка, что соответственно составляло лишь 30 % теоретически предполагаемой демографической емкости района, то данный участок мог стабильно прокормить до 55 человек в течение года. Этот показатель более чем в два раза превышал аналогичные данные по усредненным ландшафтам Европы (20). Если не случались какие-либо катаклизмы, то каждый участок «содержал» то или иное, в целом относительно равное число людей в течение довольно продолжительного периода времени. Чем древнее эпоха, тем природная экологическая ниша была естественнее, а расселение людей по территории равномернее.

Если кедрово-широколиственные уссурийские леса гарантированно, во все времена могли прокормить в расчете на 1 тыс. га 2,7 чел., то в бассейне верхнего течения р. Уссури, площадью 1,5 млн. га, и охвате хозяйственной деятельностью до 60 % территории, до развития производящих форм хозяйства могло проживать около 2,4 тыс. человек. Эти расчеты весьма условны, и автор ни в коей мере не претендует на «истину в последней инстанции». Вполне допустимо, что фактическая численность населения в отдельные периоды значительно могла изменяться как в сторону увеличения, так и уменьшения. В то же время, анализируя состояние ландшафтов (21) и их кормовую емкость по растительноядным животным, пищевые ниши последних, можно предположить, что как во времена мамонтовой фауны (22—12 тыс. л. н.), так и голоценового оптимума (7—5 тыс. л. н.) количество белковой пищи животного происхождения, носителями которой являлись дикие животные, в бассейне р. Уссури вряд ли значительно отличались от выше приведенных расчетных. Выступления Н.К. Верещагина о том, что тундростепь Евразии по продуктивности не уступала современной африканской саванне малолубедительны. То, что на «толщах вековой мерзлоты» крайнего северо-востока Сибири, где вегетационный период был менее 4 месяцев в году, кормились «миллионы волосатых слонов и сотни миллионов разнообразных копытных» (22) очень сомнительно. Схожие условия обитания восточносибирского лося в горной тундростепи Плато Путорана на начало 60-х годов «прокармливало» лишь 0,4—0,5 особей этого вида на 1 тыс. га заселенных угодий (23). Предположение К.А. Татарникова о том, что в Европейской части СССР на 1 тыс. га проживало два мамонта (24), также вряд ли можно применить в расчете численности этого животного на рассматриваемой территории.

Окраина ареала при большом количестве таежных видов исключала высокую численность этого животного. Численность кабана, медведя, барсука, оленя и др. видов во времена климатического оптимума эффективно сдерживали различные эпизоотии (как, например, чумка свиней), во все времена приводившие популяции диких животных в необходимое равновесие. В то же время антрополическая емкость ландшафтов при их разнообразии в бассейне

истоков р. Уссури и на прилегающей территории (в том числе Маньчжурии) по естественной продуктивности значительно превышала таковую прочих географических зон Евразии. Вследствие чего можно предположить, что здесь с древних времен шли бурные процессы этногенеза по формированию самобытных этнических субстратов (этноценозов) и субэтносов.

По физиологическому и эмоциональному воздействию на человека уссурийская тайга всегда была безальтернативна любой другой среде. С времен палеолита охота была разнообразной и высокоэмоциональной. Уже в верхнем палеолите древние «приморцы», очевидно, владели как активными, так и самоловными орудиями охотничьего промысла (25). Профессиональное искусство охотников юга Приморья не могло уступать искусству верхнепалеолитических охотников других регионов, так как их «кухонный набор» был значительно разнообразнее, чем у охотников Европы и Сибири. Если в верхнем палеолите на Русской равнине охотники добывали до 20 видов зверей, в предгорьях Северного Урала — 15—16, в тундростепях севера Якутии — до десяти, то в Приморье число охотничьих видов составляло не менее 40 (26). Жизнь была насыщена красотой и разнообразием природы, преодолением трудностей и видовым богатством ресурсов.

И.С. Жущиковская на основе сравнительного анализа керамических изделий отмечает, что уровень керамического производства (сопоставление технико-технологических и морфоструктурных характеристик керамики) на памятниках Руднинской культуры (Чертовы Ворота, 7,0—6,0 т. л. н.) находящиеся в непосредственной близости к территории бассейна р. Уссури и Бойсмановской (Бойсмана-1, 6,5—6,0 т. л. н.), зависел от стадийной несинхронности развития гончарства в разных районах Приморья на ранних этапах неолита. По показателям технологии формовочной массы, формовки, обработки поверхности керамическая традиция Чертовых Ворот выглядит более зрелой (27). Данный факт дает возможность предположить, что материковая культура Южно-Уссурийского края в своем развитии не уступала прибрежной (береговой) залива Петра Великого.

Взаимодействие экологических и социокультурных факторов в процессе эволюции должно было обеспечивать специфику культурного развития территории с неолита до средневековья. Через стереотипные навыки природопользования, формы поведения и т. д., которые были тем сильнее, чем дольше жила группа в данных условиях, происходило «долгое воспитание средой», оказывавшее прямое воздействие на человека. Во все времена это касалось как «национального характера», так и особенностей отдельных личностей (29, с. 163). Рассматриваемая территория через фоновые виды, длительное время могла определяться как земля кедра, изюбра и женьшеня. Это была страна тигра и осеннего хода кеты и у нее был свой «Дух» или «Гений места» — единственный и неповторимый. Все это не могло не накладывать отпечаток на культурное развитие проживавших здесь людей. Длительная адаптация через природопользование определяла локальное своеобразие культурных традиций каждого природно-хозяйственного района, а достаточно высокая степень изоляции от инокультурных вторжений теоретически обеспечивала глубоко местные корни самобытной культуры со времен раннего неолита. Неолит в Приморье — это мир оседлых людей, живущих долговременными деревнями в прочных жилищах типа полуземлянок. Как правило, поселения располагались на некотором удалении от реки или при впадении в нее небольшого ручья. Число жилищ на неолитических поселениях редко превышало 20 (29, с. 63). Можно предположить, что в это время люди равномерно заселяют территорию. Поселения располагаются в самых удобных и продуктивных местах. Максимально используются все возможности ландшафта.

Особенности природопользования определяют систему расселения на территории по бассейновому принципу. Охота и собирательство в уссурийской тайге с учетом наименьших затрат на добычу и доставку продукции до жилища из 15—35 человек (3—6 взрослых охотников) определяли зону хо-

зяйственной деятельности общины в 100—150 кв. км (5—7 км в радиусе от жилища). Укрупнению охотничьих угодий препятствовала трудность опромышления больших участков с одного места. Н.А. Байков, описывая звероловный промысел в районах Юго-Восточной Маньчжурии, отмечал, что раньше промысловый участок имел площадь 50—100 кв. верст и большей частью состоял из пади или долины реки, или ручья. Если долина реки слишком обширна, то она делится на участки или поперек, или же поперек и вдоль реки, по обоим ее берегам (30). Если учесть что Юго-Восточная Маньчжурия и Южно-Уссурийский край составляют одну биогеографическую провинцию, то есть все основания предположить, что здесь существовала общая организация охотничьего промысла. Побассейновая система расселения людей в течение тысячелетий и совместная эволюция растительных сообществ, популяций диких животных и человеческих (охотничьих) общин нашли отражение в современных теоретических обоснованиях организации территории, обеспечивающей рациональное использование биологических (возобновимых) природных ресурсов (31).

Поселившись в устье какой-либо реки, община осваивала определенную хозяйственную зону. По мере роста общины несколько новых семей (при развитии производящих форм хозяйства нередко и одна семья), отпочковывались от общины и уходили дальше по реке, или в бассейн другой реки. В месте впадения какого-нибудь ручья или небольшой речки основывалось новое поселение, в зону хозяйственного освоения которого входил бассейн данного водотока. Несмотря на то, что при развитии производящих форм хозяйства определяющую роль приобретает агроклиматический потенциал территории, принцип расселения также основывался на долинах отдельных рек и ручьев. Такое расселение уже в начале XX в. имело место у старообрядцев северо-восточных районов края, включая р. Бикин, у этнических корейцев на территории современных Хасанского, Уссурийского и Партизанского районов, а также переселенцев в бассейне истоков реки Уссури на территории современных Чугуевского и Яковлевского районов, среди которых преобладали этнические украинцы.

При развитии производящих форм хозяйства значительно возрастает и демографическая емкость территории. При крайне слабой археологической изученности района определенное представление о его заселенности возможно по двум аспектам: определение потенциальной демографической емкости угодий и ретроспективный анализ по аналогии хозяйственного освоения территории в достаточно известный период. Потенциальная продуктивность биологических природных ресурсов Чугуевского района, с учетом шадящего режима природопользования и неистощимости ресурсов позволяла получать ежегодно до 10 тыс. т орехов кедра, 600 кг корней дикорастущего женьшеня и 200 тыс. куб. м товарной древесины. Урожайность зерновых в бассейне истоков р. Уссури высокой никогда не была. Так, в 1900 г. жители с. Каменки собрали урожай зерновых по 12,9 центнера с гектара (32). В 1988 г. урожайность данных культур по Чугуевскому району составила 18,0 ц/га. Взяв для расчета наибольший урожай за последние 50 лет выращиваемых в современный период сельскохозяйственных культур, а также вес получаемого мяса от сельскохозяйственных животных (1549 т чистого веса в тушах) и таежной продукции, при физиологических (медицинских) нормах потребления на одного человека в год — мясо 70 кг., хлебобулочные изделия — 120 кг., картофель — 100 кг. (данные ВГМУ на 1997 г.), получим демографическую емкость района 35—45 тыс. человек при некотором дефиците мясных продуктов и значительном избытке таежной биологической продукции.

Проектирование рационального природопользования территории Чугуевского района в границах существовавших до 1970 г. (1446986 га), по бассейновому принципу предполагает наличие 38—45 населенных пунктов с плотностью заселения территории 28 человек на 1 тыс. га (33). К 1930 г. на территории современных Чугуевского и Яковлевского районов площадью 1521700 га располагалось 79 населенных пунктов, объединенных в 33 сельсовета, в которых проживали 27 тыс. человек. Население 30 населенных пунктов было ме-

нее 50, а 20 — более 500 жителей. В среднем на 1 тыс. га приходилось 18 человек, а на один населенный пункт — 19 тыс. га территории (34). Разный уровень развития производительных сил в разный исторический период определял различную численность населения, но, учитывая, что заселение территории в 20-е годы происходило в соответствии с ее естественной продуктивностью (в первую очередь с учетом агроклиматического потенциала), а промыслы в жизнеобеспечении местного населения играли важную роль, можно предположить, что сложившийся характер заселения данной территории в определенной степени являлся подобием такового в раннее средневековье. Более того, практически все населенные пункты, основанные с 1898 по 1929 г., располагались в непосредственной близости от мест древних и средневековых поселений.

Выявленные на основе достаточно изученных памятников новопокровская и руднинская культуры раннего неолита (а также кондонская и синькайлю), возможно, являются лишь надводной частью существовавшего культурного айсберга того времени. Вопросы культур — это вопросы самобытности и суверенности. Еще в неолите (IV тысячелетии до н. э.) на территории юга Приморья жили и кондонцы, и бойсманцы, и зайсановцы (Бродянский, 1996). При существовавшем «чрезвычайно пестром и разнородном по происхождению этническом составе населения южной части Дальнего Востока СССР и соседних с ним территорий Маньчжурии и Кореи на рубеже нашей эры» (35, с. 33) можно лишь условно предположить, сколько в действительности на территории края было независимых племен — носителей самобытных культур. В то же время эпоха бронзы, как и неолит, в истоках р. Уссури означает вакуум выявленных культур. Д.Л. Бродянский отмечает, что в первой половине I тыс. до н. э. на юге Приморья взаимодействовали синегайская, лидовская и анучинская культуры. В более позднее время имеет место синхронное бытование янковской, анучинской и валентиновской, а затем янковской и кроуновской культур. Но все они находились за пределами рассматриваемой территории. В первые века нашей эры в крае сосуществуют кроуновская, польцевская, польцевско-мохэская, а в развитии средневековье (со ссылкой на В.И. Болдина) параллельно находились бохайская и чжурчжэньская культуры (36). В то время как западные районы края в VI в. н. э. представлены мохэской культурой, получившей свое развитие в культуре Бохая, центральные, восточные и юго-восточные районы края в IV — VII вв. н. э. представлены материалами ольгинской археологической культуры, несущей традиции ранних периодов (37). В то же время существование ольгинской культуры в настоящее время ставится под сомнение. Так О.В. Дьякова, выделяя пять археологических культур эпохи средневековья, отмечает что современный уровень археологических источников не дает оснований считать ольгинскую культуру реалией эпохи средневековья в Приморье (38, с.34—35). Учитывая, что культура приморских чжурчжэней на территории края колониальная, а ареал мохэской не охватывал бассейн истоков р. Уссури, — территория верхнеуссурийского природно-хозяйственного района является культурно обезличенной на протяжении всего исторического развития.

До сих пор у археологов нет ответа, носителями какой культуры являлись племена илоу. В «Хоу Хань Шу» — летописи династии поздняя Хань (25—222 гг. н. э.) сказано, что «Илоу лежит за 1000 ли от Фуюй на северо-восток; на востоке прилегает к великому морю; на юге смежно с Воцзюй. Как далеко простирается на север — неизвестно». Характеризуя племена Иру (Илоу), письменные источники тех лет отмечают, что язык их не был одинаковым ни с Пуе (Фуяй), ни с Гурё (Когурё, Воцзюй) (35, с. 26). Если между древними племенами северной части Корейского полуострова удастся проследить наличие какой-то генетической связи, то этого уже никак нельзя сделать в отношении Илоу. Древние составители хроник в отличие от более поздних никогда не ставили знака равенства между Сушэнями и Илоу, а также отрицали наличие какой-либо прямой генетической связи между ними. (8, с. 16, 17, 22; 35, с. 31—36). Сопоставляя древние и средневековые письменные китайс-

кие источники, с информацией о народах, проживавших на северо-востоке, Сунь Хун отмечает, что название мохэ включало в себя много племен, относящихся к трем этническим группам: вэймо, сушэнь и палеоазиаты. Группа сушэнь состояла из объединения племен, проживавших на восток от Сунгари до долины Уссури: сушэнь, фуэ, аньцзюйгу, илоу (юйлоу), хэйшуй, сыму, шуайбинь и моицзе. Сушэни, илоу, уцзи, мохэ, чжурчжэни были жившими вразброс многочисленными племенами или племенными группами (39).

Доминирование разных племенных объединений юго-восточных районов Маньчжурии, территории юга Уссурийского края и Северной Кореи во времена отдельных эпох и династий Китая, при определенной культурной агрессии, породило и название данной территории — земли сушэнь, илоу, уцзи, мохэ. В то же время китайские ученые до сих пор так и не внесли должной ясности в местонахождение племен раннего средневековья. Так, Сунь Цзиньцзи, указав, что илоу — это древние земли сушэней, расположил илоускую общность на Среднем и Нижнем Амуре, в дальнейшем отождествив с племенами хэйшуй (удигай) (40). Сунь Хун в указанной работе, называя племена илоу во времена Ляо-Цзинь как хулигай, располагает их земли на 1000 км юго-западнее Среднего Амура, в истоках р. Муданьцзян и левых притоках р. Туманган, где во времена существования государства Бохай были созданы области Динлифу и Аньбяньфу. В то же время этот автор указывает, что Бохай в средний период своего существования присоединил древние земли фууй, воцзюй, вэймо, шуайбинь, а в поздний — древние земли илоу, тели, фуэ, юэси. Если это так, то земли илоу должны находиться скорее всего за землями шуайбинь, а не наоборот. В данном же случае они располагаются в географическом центре, примерно на равном удалении от всех пяти столиц Бохая. По этой причине версия Э.В. Шавкунова, отрицающая нахождение земель юйлоу и округов Динли и Аньбянь в Маньчжурии и определяющая их к востоку от оз. Ханка, по нашему мнению, является наиболее убедительной (8, с. 31, 60, 61; и др.) А это и есть бассейн истоков р. Уссури. Опираясь на материалы Кафарова и Буссе, В.К. Арсеньев указывал, что с 300 г. до н. э. по VII в. н.э. между р. Муданьцзян (р. Хурха) и морем проживало племя Илоу. Вероятно, в III в. н.э. имел место этнический расцвет племен илоу.

Итак, не исключено что верховья Уссури могли быть районом формирования самобытной археологической культуры эпохи неолита. В более поздние эпохи данная территория могла быть местом консервации неолитической культуры. В средние века здесь проживали сильные племена, возможно, уже нешшие основы государственного устройства и хранившие истоки древних самобытных культур. Весь ход истории на этой земле предопределяет их наличие. Северные охотничьи племена, ранее жившие далеко в глуши лесов и гор, стали спускаться к югу и мало-помалу распространяться по всему Уссурийскому краю лишь после того, как монгольское нашествие уничтожило коренное население и этим прервало преемственность самобытных культурных традиций данной территории. Туземцы пришли в Южно-Уссурийский край, когда здесь уже было запустение (1, с. 281, 294, 310, 315).

В работах А.П. Окладникова красной нитью проходит утверждение глубокой преемственности в Приморье культур племен железного века с культурой населения предшествующих культурно-исторических этапов (41). Возможно, именно бассейн истоков р. Уссури и был своеобразным центром древних самобытных культур, их хранителем и продолжателем в более поздние эпохи. В крайнем случае, биогеографические особенности, определяющие специфику природопользования и степень изоляции популяций человека данной территории, не исключают существования самобытного локального варианта древних культур в течение продолжительного времени. При археологической неизученности данной территории лишь ретроспективный и логический методы как второстепенные при изучении исторических процессов любой территории, позволяют предположить наличие культурных процессов в бассейне истоков р. Уссури.

1. Арсеньев В.К. Соч. Т. IV. Владивосток, 1947.
2. Венюков М.И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. Санкт-Петербург, 1868. С. 84.
3. Фадеев А.А. Особый коммунистический // Газ. Чугуевского райкома КПСС «Коммунистический труд». 9 сентября 1972 г.
4. Крадин Н.Н. Внешний фактор в процессах происхождения государственности на Дальнем Востоке // Приморье в древности и средневековье. Уссурийск, 1996. С. 34—38.
5. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 3. С. 79.
6. Шавкунов Э.В. Основные итоги археологических исследований в 1995 году Марьяновского городища // Первый международный симпозиум по Бохайской культуре. Владивосток. 1996. С. 38—39.
7. Шавкунов Э.В., Шавкунов В.Э. Новые находки: Раскопки на дворе Абрикосовской кумирни и на Ауровском городище в 1997 году // Россия и АТР. Владивосток. 1998. № 1. С. 72—74.
8. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. 127 с.
9. Никитин Ю.Г., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Гельман Е.И. Археологические памятники Чугуевского района.
10. Васильевский Р.С. Постплейстоценовая адаптация и культурная трансформация на северном побережье Тихого океана // Поздний палеолит ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки (материалы международной конференции). Владивосток, 1996. С. 31—32.
11. Гарковик А.В. Некоторые итоги исследования стоянки Устиновка-3 в Приморье // Там же. С. 58—65.
12. Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Археологические материалы поселений и окружающая среда // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 15.
13. Байков Н.А. Пушной промысел в Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. Харбин. 1930. № 2. С. 59—70.
14. Усенко Н.В. Дары уссурийской тайги. Хабаровск, 1975; Измоденов А.Г. Богатства кедрово-широколиственных лесов. М., 1972. 120 с.; Измоденов А.Г., Сухомиров Г.И. Продовольственные ресурсы естественных угодий суши и экономика комплексного освоения лесных ресурсов Дальнего Востока. Владивосток, 1985. С. 101—107; Сухомиров Г.И. Что может дать наша тайга. Хабаровск, 1986. 224 с.; Проект внутривозвращенного охотустройства Чугуевского коопзверопромхоза. Хабаровск, 1970. Т. 1,2. (рукопись).
15. Долуханов П.М. География каменного века. М., 1978.
16. Уайнер Д. Экология человека: Биология человека. М., 1979.
17. Гапонов В.В. Оптимальная численность изюбра в уссурийских лесах // Лесное хозяйство. 1991. № 5. С. 44—45.
18. Проект внутривозвращенного охотустройства Чугуевского коопзверопромхоза. Т. 1, 2.
19. Бромлей Г.Ф., Кучеренко С.П. Копытные звери юга Дальнего Востока СССР. М., 1983. 304 с.; Бромлей Г. Ф. Уссурийский кабан. М., 1964; Бромлей Г.Ф. Медведи юга Дальнего Востока СССР. М.; Л., 1965; Дунишенко Ю.М. Отчет о научно-исследовательской работе: Состояние популяций копытных зверей и боровой дичи, их использование и воспроизводство. Хабаровск, 1985.; Николаев И.Г. Зайцы Приморья. Владивосток, 1992. 37 с.; Васенева А.Я., Дунишенко Ю.М. Методическое руководство по нормам добычи промысловых животных. Хабаровск, 1988. 21 с.;
20. Кууси Пекка. Этот человеческий мир. М., 1988. С. 116.
21. Короткий А.М., Гребенников Т.А., Пушкарь В.С. Климатические смены на территории юга Дальнего Востока в позднем кайнозое (миоцен-плейстоцен). Владивосток. 1996. С. 27—32;
22. Верещагин Н.К. Мамонты на севере Евразии // Охота и охотничье хозяйство. 1970. № 1. С. 40—42.; Yereschagin N.K. The Mammoth «Cemeteries» of North — East Siberia — Polar Record, 1974, Y. 17, № 106, 3—12; Верещагин Н.К. Гибель мамонтовой фауны в плейстоцене // Природа. 1977. № 9. С. 90—95.
23. Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы сибирского севера. М., 1974. 368 с.
24. Татарников К.А. Деструктивное влияние человека на плейстоцен-голоценовую фауну // Проблемы социальной экологии. Львов. 1986. Ч.2. С. 60—61.

25. Верещагин Н.К., Оводов Н.Д. История фауны Приморья // Природа. 1968. № 9. С. 42—49; Оводов Н.Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих (Mammalia) юга Уссурийского края // Фауна и систематика позвоночных Сибири. Новосибирск, 1974. С. 157—177.
26. Верещагин Н.К. Охота наших предков // Охота и охотничье хозяйство. 1975. № 2. С. 39—41; Оводов Н.Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих (Mammalia) юга Уссурийского края // Фауна и систематика позвоночных Сибири. Новосибирск, 1977. С. 157—177.
27. Журиховская И.С. Керамика поселения Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 143.
28. Дьяконов И.М. Пути истории от древнейшего человека до наших дней. М., 1994. 384 с.
29. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989. 376 с.
30. Байков Н.А. Очерки быта обитателей тайги // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1928. № 3. С. 31—41.
31. Розенберг В.А., Опритова Р.В. Эколого-географические основы лесопользования на Дальнем Востоке // Методологические проблемы биологии и экологии. Владивосток. 1989. С. 158—172; Розенберг В.А. Рациональное лесопользование как условие сохранения локального и регионального экологического равновесия // Там же. С. 194—200; Гапонов В.В. Экология, охрана и использование изюбря в Приморском крае. Автореф. дис ... канд. биол. наук. М., 1991. С. 24; Баталов А.С. Промысел и контроль численности соболя в охотничьем хозяйстве Приморского края: Методические рекомендации. Владивосток, 1987; Преловский В.И., Короткий А.М. и др. Бассейновый принцип формирования рекреационных систем Приморья. Владивосток, 1996; Проект внутрихозяйственного охотустройства Чугуевского коопзверопромхоза. Т. 1. Хабаровск, 1970. С. 166.
32. Ведомости к карте заселения Уссурийского края, составленной чинами Уссурийской партии в 1905 году. Владивосток, 1906. (Архив музея им. А.А. Фадеева. С. Чугуевка).
33. Чугуевский проект. План комплексного землепользования-природопользования Чугуевского района. Кн. 4. Функциональное зонирование для рационального ресурсопользования. Владивосток, 1996. (ЕРТ/RFЕ).
34. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина): Материалы «Энциклопедии Дальневосточного края». Хабаровск, 1931. С. 67—68.
35. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., Наука. 285 с.
36. Бродянский Д.Л. Анучинская культура // Освоение северной пасифики. Владивосток, 1996. С. 110—134.; Он же. Культурная многолинейность в неолите и палеометалле Приморья // Каменный век тихоокеанских побережий. Владивосток, 1996. С. 170—173.
37. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя: Железный век (1 тыс. до н. э. — VIII в. н. э.). М., 1977. С. 152.
38. Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток, 1993. 410 с.
39. Сунь Хун. Мохэ, Бохайцы, Чжурчжэни // Международная научная конференция. Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток. 1998. (Пер. А.Л. Ивлиева).
40. Сунь Цзиньци. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // Там же.
41. Андреева Ж.В. Основные направления исследований в области археологии первобытного общества на Дальнем Востоке СССР // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 3—11.

SUMMARY. The article «The Elements of Original Cultures» by Candidate of Biological Sciences V. Gaponov tells about geographic premises of forming native cultures in the basin of the Ussuri river. The author makes a conclusion that landscape greatly influences on the human organism. Tundra, wood, steppe, water surrounding — all that have an influence on people's mode of life, and unite them.